

ПЕРВОЕ ВЫСШЕЕ ТЕХНИЧЕСКОЕ УЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНИЕ РОССИИ

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

УТВЕРЖДАЮ

**Руководитель ОПОП ВО
Профессор Д.А. Щукина**

**МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ
ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ АСПИРАНТОВ
ПО УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЕ**

«УРОВНИ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ»

Уровень высшего образования:	Подготовка кадров высшей квалификации
Направление подготовки:	45.06.01 Языкознание и литературоведение
Направленность (профиль):	Русский язык
Форма обучения:	очная
Нормативный срок обучения:	3 года
Составитель:	д.филол.н., проф. Щукина Д.А.

Санкт-Петербург

Раздел I. УРОВНИ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ И ИХ КОНСТИТУТИВНЫЕ ЕДИНИЦЫ

Основные единицы языка. Фонетико-фонологический уровень.

1. Фразеологический уровень языковой системы как промежуточный уровень языка.

Задание 1. Сформулируйте определение понятия «языковой уровень». Назовите основные и промежуточные (дополнительные) уровни языковой системы с соответствующими единицами языка и речи. Объясните, в чем их отличие друг от друга.

Задание 2. Прочитайте статью д.ф.н., проф. В.М. Мокиенко «О фразеологическом уровне языковой системы»¹.

Ответьте на вопрос: в чем заключается специфика фразеологии в уровневой иерархии языка? Объясните диалектическую противоречивость фразеологической системы и покажите это на примере языковых перевоплощений выражения «строить воздушные замки».

О ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ УРОВНЕ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ

В.М. Мокиенко

Рассматривается одна из дискуссионных проблем лингвистики – проблема места и значимости фразеологии в уровневой иерархии языка.

Ключевые слова: уровни языковой системы; фразеологическая единица; фразеология; межуровневая иерархия; фразеологическая вариантность; трансформации фразеологических единиц.

Фразеология – область языковой системы, которая возникла из сплава единиц разного уровня. В силу того, что одним из ее специфических свойств является устойчивость, определенный «консерватизм», она сохраняет в себе свойства тех языковых уровней, которые ее подпитывали процессе функционирования, ибо такая «подпитка» – один из мощных ресурсов одного из ее категориальных свойств – экспрессивности.

Факт относительной уровневой самостоятельности фразеологии в общей системе языка признается сейчас (разумеется, с различными ограничениями и дискуссионными комментариями) большинством лингвистов. Исследования при этом показали, что фразеологический уровень языковой системы структурно и функционально-семантически весьма отличается от других уровней – фонологического, морфологического и словообразовательного, лексического и синтаксического. Это различие закрепляется прежде всего в комбинированном, компликативном характере фразеологических единиц (ФЕ): обладая признаками всех других языковых уровней, они эксплицируют такие признаки по-своему, просеивая их сквозь фильтры собственно фразеологической семантики и формы.

Таким образом, как видим, при всех до сих пор окончательно не решенных теоретических и практических вопросах фразеологии одну, как кажется, все-таки удалось решить. Это – кардинальный вопрос о том, образует ли фразеология самостоятельный языковой уровень, представляет ли она собою пусть сложное и противоречивое, но относительно единое языковое пространство. И на этот вопрос многие фразеологи сейчас отвечают однозначно: да, фразеологический уровень (resp. фразеологическая система) – языковая реальность, научно обоснованный факт.

¹ Мокиенко В.М. О фразеологическом уровне языковой системы // Вестник КРСУ. – 2017. – Т. 17. – № 9. – С. 146-151. // <https://krsu.edu.kg/vestnik/2017/v9/a31.pdf>

Этот ответ вызрел именно благодаря неустанным попыткам исследователей соизмерить ФЕ с параметрами других языковых уровней. Один из послевоенных патриархов русской фразеологии В.Л. Архангельский сформулировал этот важный критерий фразеологической системности сорок лет назад. «Под фразеологической системой русского языка понимается не только набор ФЕ, образующих в синхронном аспекте фразеологический состав языка, – писал он, – но и наличие закономерностей образования ФЕ, внутренние свойства и отношения между компонентами ФЕ, отношения между ФЕ как единицами системы и отношения ФЕ к единицам других уровней» [1, с. 261].

Именно отношение ФЕ к языковым единицам других уровней и определяет специфику фразеологической системы, делает ее системой особой, самостоятельной. Но этого мало. Ведь отношение ФЕ к другим языковым единицам рождает и систему «ограничений, связывающих свободу употребления ФЕ и их компонентов на всех уровнях» [1, с. 270]. И именно такую систему В.Л. Архангельский, а за ним и многие другие лингвисты считают теперь собственно фразеологической системой.

Таким образом, открывается важная специфическая черта фразеологического уровня по сравнению с другими языковыми уровнями. Если фонологический, морфологический, лексический и синтаксический уровни проявляются и выявляются прежде всего в их функциональной амплитуде, во всей широте реализации в общей языковой системе, то фразеологический уровень познается, так сказать, «методом от противного», он выявляется как «система ограничений» функциональной амплитуды других языковых уровней,

И действительно: ограничения проходят через всю языковую ткань фразеологии, образуют ее структурную и функционально-семантическую плотность. Ведь фразеологический статус в составе языковой системы приобретают лишь те языковые единицы, которые так или иначе ограничивают свои уровневые потенции. Так, чисто фонетическая корреляция *у – ву* (с эпентетическим *в*) в ряде славянских языков имеет характер закономерности: ср. *рус. угол – укр. вугол – бел. вугал; пол. wégiel и др.; рус. уда, удочка, чеш. udice – укр. вудка, бел. вуда, болг. вѣдица, пол. wéda, w'dka, в.-луж. wuda* и т.п. Русский шуточный оборот *вумный как вутка* ‘о недалеком, простоватом и глупом человеке’ стал возможным как таковой именно потому, что в русском языке эта общеславянская корреляция предельно ограничена, ощущается как фонетическое исключение. За счет этого прозрачное по образу сравнение и приобретает фразеологический и высоко экспрессивный статус. Парадоксален при этом факт, что как раз в чисто этимологическом ключе эта корреляция является фикцией, ибо эпентезы для этого слова не зарегистрировано не только в русском, но и в украинском (*утиця*), в белорусском (*уць, уціца*) и других славянских языках [2, с. 174]. Быть может даже, эта этимологическая фиктивность эпентезы в русском обороте *вумный как вутка* и дала приращения смысла и экспрессии, столь необходимые для идиоматизации свободного словосочетания.

Примеры такого рода известны всем славянским языкам. Особенно многочисленны они, естественно, для лексического и синтаксического компонентного уровней в составе фразеологии. Именно «ограничительность», «исключительность» порождает такое специфическое свойство ФЕ, как идиоматичность.

Взаимодействие ФЕ с единицами других языковых уровней показывает, что «материальная зависимость» первых от вторых несомненна, но далеко не равнозначна. Фразеологическая подсистема отбирает из каждого уровня то, что соответствует ее собственному статусу, отсекая необязательное и излишнее. Квоты такого «усекновения» можно выявить путем анализа фразеологического варьирования, процесс которого охватывает весь уровневый диапазон языковой системы. Поскольку общей спецификой фразеологического варьирования является допущение различных формальных трансформаций при сохранении относительной стабильности структурно-семантической модели (*resp.* фразеосхемы), то пределом парадигматической свободы единиц, входящих в состав ФЕ, является именно такая стабильность.

Сформулированное ограничение определяет специфику функционирования единиц разного уровня в составе ФЕ. Поскольку, в отличие от лексемы, последняя членится не на морфемы, а на словесные компоненты (как правило, с ослабленным лексическим значением), то парадигматическая амплитуда фонем и морфем в таких компонентах значительно сужена. Фонетические варианты, например, в большинстве случаев оказываются для фразеологического уровня нерелевантными, поскольку практически не влияют на структурно-семантическую модель. Морфологическая парадигматика как компонентов ФЕ, так и фразеологизмов как единого целого, также диктуется прежде всего взаимодействием фразеологической модели (или конкретной ФЕ) с контекстным окружением. Отсюда – хорошо изученная фразеологами парадигматическая «ущербность» компонентов ФЕ на морфологическом и словообразовательном уровнях. Исключениями являются случаи типа рус. *мурашки бегают по спине у кого* (от страха, холода и т. п.), где специализация словообразовательного форманта вырывает слово из цепи компонентных замен, возможных для других славянских языков (ср. укр. [аж] *мурашки бігають за спиною (по спині, по тілу, по шкурі, за плечима)*; *наче мурашва бігала по тілу; мурашва побігла спиною; за плечима – мурахи; як комашки забігали по спині*; бел. *Мурашкі бегаюць (набеглі, забегалі, запоўзалі, заерзалі) на цэле (скуры, спіне)*; в.-л. *běhaja zymne ješæelcy po chribjeæe komu*; чеш. *mrávcenci běhají požádech komu*; слцк. *zimomriavky behajú pochrbte (potele) komu*, пол. *ciarki chodzą po krzyżach, po plecach*, мр. *przechodzi po skyrze*; х.лс. *podilaze mravci koga* и др.

Особо специфично взаимодействие ФЕ с лексическим уровнем языковой системы. Включая в свой состав слова как компонентную основу, фразеологический уровень накладывает на их формальную и семантическую парадигматику существенные ограничения. Полисемантические лексемы в составе ФЕ становятся как правило моносемантическими, сочетаемость их с другими словами резко сужается, стилистические параметры меняются в зависимости от стилистики ФЕ как неделимого целого. Предел свободы лексемы в составе ФЕ – некротизация компонентов, нередко завершающаяся разрушением ФЕ, т.е. превращением ее, в свою очередь, в слово (ср. наречия типа *начеку, настороже, дотла, вдрызг, вдрезбзги*; укр. *насторожі, дотла, уцент, доценту*). Лексическая вариантность, однако, являясь специфичным типом фразеологического варьирования, обеспечивает сохранение за лексемами – компонентами ФЕ сохранение относительной словности.

Следует заметить, что интерес лингвистов и особенно фразеологов к взаимодействию «ФЕ – слово» традиционен. У его истоков лежит известная теория А.А. Потебни о «сгущении» басни в пословицу, пословицы – в поговорку, поговорки – в слово [3]. Несмотря на такой интерес, однако, из исследований этого сущностного явления ни лингвисты-теоретики, ни лексикографы-практики до сих пор не сделали должных выводов. Этимологи, в частности, нередко продолжают искать разгадку внутренней формы слова в древних индоевропейских этимонах, реконструкции которых ведутся по строгим младограмматическим канонам даже в тех случаях, когда налицо ареально и хронологически ограниченный процесс контракции словосочетания в конкретную лексему. Таковы, напр., русские глаголы *болтать, трепать, трепаться* в значении ‘пустословить’, которые являются продуктом эллипсиса сочетаний *болтать языком, трепать языком*, но этимологами реконструируются с глубинной и глубокомысленной дальнобойностью. Подобные процессы активны и в современной живой речи и особенно в жаргоне. Ср. пары «ФЕ – слово» со значением ‘обманывать’ в современном молодежном жаргоне, в которых далеко не всегда можно точно диагностировать первичность фраземы или, наоборот, лексемы, поскольку процесс их взаимообмена постоянно идет по восходящей: *гнуть и гнуть горбуху, гнать и гнать тупфту, лепить и лепить горбатого, вешать и вешать лапшу, обуть и обуть в лапти, петь и петь Алябьева* и мн. др. [4].

Конкретные внимательные наблюдения над таким взаимообменом фразеологии и лексики много дадут и фразеологам, и лексикологам для интерпретации активных процессов развития славянских языковых систем. Один из них – словообразование на основе фразеологии, многочисленные результаты которого на русском материале лексикографи-

чески обобщил М.А. Алексеенко с соавторами в «Словаре отфразеологической лексики русского языка» [5].

Проблема соотносительности фразеологического и лексического уровней в этом ракурсе многопланова. Отфразеологическая лексика русского языка, например, – конгломерат самых разных образований: тут и словообразовательные конструкторы типа *баклушничать*, *лодырничать*, *горбатиться*, *проворонить*, и слова, созданные «сплющиванием» минифразем типа *вдребезги*, *вдрызг*, *начеку*, *насмарку*, *подшефе*, *дотла*, или «эллиптоиды» типа *напропалую*, *наудалую*, *напопятную*, или оригинальные образования типа *пофигизм*, *дофенизм* и т.п.

Особого внимания требуют, как кажется, слова-окказионализмы – «осколки» узуальных ФЕ, которые «отлавливаются» лишь многотрудным тщательным наблюдением над трансформациями ФЕ в художественной или живой речи. Именно они являются нередко импульсом структурного и семантического обновления современной лексической системы. Таковы, например, индивидуально-авторские лексические окказионализмы, описанные нами в специальном словаре [6] *велосипед вместо изобретать велосипед* [7, с. 96], *голова вместо иметь голову на плечах* [7, с. 161] и *шалашеуправление* вместо поговорки *С милым рай и в шалаше* [8, с. 572]. Они весьма далеко оторвались в результате процесса «отфразеологизации» от своих прямых фразеологических корней.

Синтаксическая парадигматичность ФЕ, как и парадигматичность лексическая, имеет двойную направленность. С одной стороны, ФЕ как словосочетания являются сущностно единицами «малого синтаксиса». Они при этом, как и лексемы, характеризуются гораздо меньшей комбинаторикой, ограничиваемой как семантикой компонентов, так и целостным фразеологическим значением. Синтаксически модели ФЕ и свободных словосочетаний в то же время остаются идентичными. С другой стороны, как целостные, неделимые единицы ФЕ вступают в активные синтаксические связи с текстами разного объема, что функционально сближает их со словами. Пределы такой связи также во многом определяет семантическая специфика ФЕ.

На синтаксическом уровне поэтому ФЕ обнаруживает ту же функциональную раздвоенность, что и на других уровнях. Будучи семантически целостной единицей, ФЕ структурно постоянно демонстрирует свою расчлененность, без которой достаточно большая квота его экспрессивности была бы утрачена. Нередко это приводит к нарочитому развертыванию слова или словосочетания в большие отдельно оформленные комплексы. Вообще, синтаксические трансформации динамизируют фразеологическую систему, делают ее диалектически противоречивой, поскольку ФЕ в их процессе может и развертываться в большие единицы, и сворачиваться в слово. При этом эти трансформации являют собой случаи не только межуровневого, но и межнационального и межкультурологического взаимодействия, поэтому весьма важно проследить их на как можно более широком языковом и экстралингвистическом фоне, с погружением в историко-этимологические глубины.

Покажем это на примере различных языковых перевоплощений книжного и иронического выражения *строить воздушные замки* ‘задумывать, планировать что-л. неосуществимое, нереальное; предаваться несбыточным мечтам’, диапазон функционирования которого в русском языке необычайно широк [9, с. 189-194].

Обычно его считают калькой с французского, которая закрепилась первоначально в форме *воздушные замки* как фразеологизация названия водевиля Н.И. Хмельницкого «Воздушные замки» (1818 г.), заимствованного автором у И.И. Дмитриева. Последний так назвал свою сказку о бесплодном Альнаскаре. Сочетание *воздушные замки* восходит к фр. *bâtir (construire, faire) des châteaux en Espagne* – букв. «строить замки в Испании». Французское выражение восходит к XI в. Оно возникло после похода Генриха Бургундского в 1095 г. в Испанию, где он вместе с королем Кастилии Альфонсом VI сражался против мавров и победил их, за что был щедро вознагражден Альфонсом: получил руку его дочери и обширные владения, в которых стал возводить великолепные замки. Соотечественники

завидовали ему и ни о чем другом не помышляли, как строить замки в Испании. Но так как в Испании у них не было владений, то им оставалось строить замки в воображении. Эти фантастические планы и несбыточные мечты и стали называться «воздушными замками» [10, с. 235-236].

Заглянем в русскую литературу XVIII в., где немало заимствований не только из французского, но и из немецкого и других европейских языков. Там мы, действительно, найдем самые разные вариации этого выражения – *баши на воздухе строить, строить замки на воздухе, строить (сооружать) воздушные хоромы, строить палаты на воздухе, городить воздушные палаты* и т. д.: «Прекрасная жена его вздохнет украдкой о том, что ее замужество *построило ей замки на воздухе и что... сладость известна ей по одному воображению*» [11]; «П а ш а: Бриллианты ли вам нравятся, я прикажу осыпать тебя ими с ног до головы. Говори, моя сударка. М у к т а л а в сторону: Какие палаты строит он для нас на воздухе» [12]; «Р е з и я: Что ж бы, например, о чем рассуждал паша. М у к т а л а: Городит воздушные палаты и делает в своей голове план» [12]; «Иной, *соорудив воздушные хоромы, Мечтой питается, без правила живет*» [13, с. 326-327].

Характерно и употребление этого оборота в форме *воздушные замки*, с усечением глагола: «Мысли твои о вечном возвышении и падении разума человеческого кажутся мне... *воздушным замком: я не вижу их основания*» [13]; «П о с т а н а х о х о ч е т: Все ваши *воздушные замки я оберну вверх дном, ха, ха, ха, ха*» [14].

Важно уточнить один момент истории этого выражения. Мы видели, что некоторые его историки переоценивают влияние комедии Н.И. Хмельницкого «Воздушные замки» на активность усвоения оборота русским литературным языком. Переоценивают хотя бы уже потому, что пьеса написана в 1818 г., а оборот уже в XVIII в. не только употреблялся самыми разными писателями, но и «оброс» многими вариантами. Именно эта, заданная самим европейским прототипом вариантность и активизировалась в русском языке по мере повышения употребительности оборота. Сейчас у него зарегистрированы практически все (кроме, пожалуй, фонетического) типы варьирования, о которых выше говорилось. Назовем несколько наиболее ярких примеров.

Пример синтаксического свертывания (имплицирования) – употребление оборота без глагола. Тогда он и превращается в иронический символ бесплодных и несбыточных мечтаний, фантазий: «Я выбрал себе турецкую софу, лег на нее и отдал себя во власть фантазии и *воздушных замков*» [15]; «Андрей составил уже два-три плана в своем воображении. Но все это было смутно, неопределенно и скорее похоже на воздушные замки, чем на настоящие проекты» [16].

Еще частотнее случаи развертывания этой идиомы: «Успокойтесь, я подумаю, я не отказываюсь решительно, но ваше предложение так неожиданно... Эти слова совершенно успокоили его и, как потом оказалось, он принял их за согласие. Счастью его не было границ, и с этого дня он начал строить *воздушные замки нашего будущего*» [17]; «Все дурное и хорошее должно иметь одинаково счастливый конец – такова была у Анисавы святая убежденность, и в самой однообразной жизни ухитрилась она *строить воздушные замки, без усталости прибавляя к ним по камешку*»; «А потом он провожал ее в Москву и умолял назвать свой телефон, а она, как маленького, погладила его по голове и сказала: “Не надо, Саша, *строить воздушные замки. Когда они рушатся, их обломки тоже могут причинить боль*”» [18].

В последних двух примерах, как видим, синтаксическая трансформация осложняется семантической – метафорическим развертыванием исходного образа. Ср. также такие примеры относительно простого синтаксического эксплицирования, как *возводился ажур воздушных замков* [19]; *возвели замок сыска и слежки* [20]; *торговать воздушными замками, сбывать замки воздушные кому* [20].

Стремление к символизации фразеологизма проявляется и в активных попытках грамматической конверсии, т.е. в превращении глагола *строить* в существительные *построение, строительство* и т.п.: «Мартов прекрасно знает, что именно с этим ответом и

борется Ленин, называя его «окостеневшим шаблоном», «*построением воздушных замков*» [21]; «Многое из того, что предлагают читатели, действительно хорошо. Однако прав был старый философ, который сказал: *поручим строительство воздушных замков поэтам*: им это не стоит денег... «Клуб директоров» не намерен заниматься строительством воздушных замков, но не хочет быть и очень заземленным. В конце концов все ставшее ныне вполне реальным вышло из поэзии и мечты. Из, казалось бы, несбыточной мечты...» [22].

Показателем активной употребительности выражения *строить воздушные замки* служит и его постоянное обыгрывание, оживление его прозрачного, как воздух, образа. «Только *воздушные замки* строят без недоделок» – читаем в [23]. «*Стройте воздушные замки только в безвоздушном пространстве!*» – вторит в той же «Литературке» Феликс Кривин [23]. А в разговорной речи можно услышать и такое перевоплощение образа, как *рисовать хрустальные дворцы*. Любопытна и трансформа, построенная по логике ассоциативных замен, например, у Н.Г. Чернышевского, продолжившего тему «замка» словами *дом* и *избушка*: «Воображение строит свои воздушные замки тогда, когда нет на деле не только хорошего дома, даже сносной *избушки*» [24].

Самым изощренным обыгрыванием образа этого выражения, пожалуй, его ассоциативная «перестройка» у Б. Слуцкого. В стихотворении «Биография» он не только трансформирует структуру выражения, превращая его в «*строить замки из чистого воздуха*», но и дважды сталкивает их прямое и переносное значения: с одной стороны, ясно просвечивается его исходный образ, с другой – оба значения наслаиваются на специально профессиональное, «летчикское», взаимодействуя с термином *воздушная яма* и ассоциируясь со смертельным риском:

Двадцать восемь годов без отдыха
строил замки из чистого воздуха
и воздушные ямы копал:
или пан или пропал.
Вдруг врачебный осмотр.
В авиации,
Как авария, что ли, почти,
так внезапная демобилизация.
Уходи.

Такие языковые эксперименты обычно возможны тогда, когда фразеологизм понятен без комментариев. Они откладываются в языковое сознание и в виде отточенных афоризмов-каламбуров типа *Только воздушные замки строят без недоделок* [25] или *Воздушные замки можно не запирать на замки* [26]. Здесь межуровневое взаимодействие фразеологизма (или его компонентов) с текстом повышает образный и экспрессивный потенциал того и другого, производя художественно-эстетический эффект.

Основная специфика фразеологического уровня по сравнению с другими, как видим, определяется структурно-семантическими ограничениями, вытекающими из компликативной сущности ФЕ. Такая компликативность порождена внутренней динамичностью фразеологической системы, регулируемой выявленными уже давно [27; 29; 30; 32] оппозициями: «устойчивость – неустойчивость», «моделируемость – немоделируемость», «имплицитность – эксплицитность», «образность – безобразность», «экспрессивность – нейтральность», «синхрония – диахрония». Ряд таких «энергетических» поляризаций во фразеологии велик, но не бесконечен. Их выявление, иерархизация и объективный анализ необходимы для дальнейшего постижения специфики столь непостижимого в своей противоречивости языкового уровня, как Фразеология [33].

Литература

1. Архангельский В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке / В.Л. Архангельский. Ростов н/Д., 1964.
2. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Под ред. Б.А. Ларина; пер. с нем. и предисл. О.Н. Трубачева. Т. 1-4 / М. Фасмер. 2-е изд. М.: Прогресс, 1964-1973. 1986-1987.

3. *Потебня А.А.* Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка / А.А. Потебня. Харьков, 1894.
4. *Никитина Т.Г.* Так говорит молодежь. Словарь молодежного сленга. По материалам 70 – 90-х годов: 2-е изд., испр. и доп. / Т.Г. Никитина. СПб.: Фолио-Пресс, 1998.
5. *Алексеев М.А.* Словарь отфразеологической лексики современного русского языка / М.А. Алексеев, Т.П. Белоусова, О.И. Литвинникова. М.: Азбуковник, 2003.
6. *Шукин В.* Рассказы. Повести / В. Шукшин. М., 1989.
7. URL: http://az.lib.ru/i/ilfpetrov/text_0100.shtml – И. Ильф и Е. Петров.
8. *Мелерович А.М.* Фразеологизмы в русской речи: словарь / А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко. М.: Русские словари, 1997. 864 с.
9. *Бирих А.К.* Русская фразеология: историко-этимологический словарь; 3-е изд., испр. и доп. / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова; под ред. В.М. Мокиенко. М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. 926 с.
10. URL: <http://krilov.velchel.ru/index.php?cnt=8&sub=1&part=0#> – Крылов И.А. Ночи (повесть).
11. URL: http://www.gelos.kiev.ua/salon/vvek_books_Russkie-knigi-18-veka.-P.php?sku=newbooks8 – Павлов В. Три сундука или Хитрость женщины: комедия в трех действиях.
12. *Херасков М.* Ненавистник / М. Херасков. Палевская, 1980.
13. URL: http://webreading.ru/prose/_prose_rus_classic/n-karamzin-melodor-k-filaletu.html
14. *Княжнин Я.* Жених трех невест / Я. Княжнин. СПб., 1807.
15. URL: http://royallib.com/book/chehov_anton/drama_na_ohote.html –Чехов А.П. Драма на охоте.
16. *Степняк-Кравчинский С.* Андрей Кожухов / С. Степняк-Кравчинский. М.: Юнацтва, 1982.
17. *Савина М.Г.* Горести и скитания: театральные мемуары: искусство / М.Г. Савина. М.: 1961.
18. *Егоров В.* Букет красных роз / В. Егоров. М.: БПП, 2009.
19. *Смоктунувский И.* Время добрых надежд. М.: Искусство, 1979.
20. *Стуруа М.Г.* Вид на Вашингтон из отеля “Уотергейт” / М.Г. Стуруа. М.: Политиздат, 1984.
21. URL: <http://userdocs.ru/pravo/57085/index.html> – В.И. Ленин. О социальной структуре власти.
22. *Рубинов А.* Трудно быть директором / А. Рубинов // Лит. газета. 1975. № 11.
23. Литературная газета. 1975. № 41.
24. URL: http://az.lib.ru/c/chernyshewskij_n_g/text_04_10.shtml – Н.Г. Чернышевский. Эстетические отношения искусства к действительности.
25. Лит. газета. 1975. № 41.
26. Крокодил. 1985. № 5.
27. *Мокиенко В.М.* От Авось до Ятя / В.М. Мокиенко. СПб.: Изд-во СПб-го ун-та, 1998.
28. *Некрасова Е.А.* Языковые процессы в современной русской поэзии / Е.А. Некрасова, М.А. Бакина. М., 1982.
29. *Мокиенко В.М.* Большой словарь русского жаргона / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. СПб.: Норинт, 2000.
30. *Мокиенко В.М.* Славянская фразеология / В.М. Мокиенко. 2-е изд. М.: Высшая школа, 1989.
31. *Палевская М.Ф.* Материалы для фразеологического словаря русского языка XVII века. Кишинев: Штиинца, 1980.
32. *Mokienko V.* Fraseologia eslava. Manual universitadio para a especialidade de lingua e literatura rusas / V. Mikienko. Santiago de Compostela: Xunta de Galicia, 2000.
33. *Шевченко Н.М.* Описание системных отношений во фразеологическом словаре русского языка / Н.М. Шевченко // Вестник КРСУ. 2007. Т. 7. № 4. С. 107–112.

2. Сигнальная функция фонемы.

Задание. Используя данную ниже информацию, составьте классификацию функций фонемы в виде схемы или таблицы.

Приведите примеры реализации «сигнальной» функции фонемы в русском и других языках.

Языки мира делятся на две группы:

- фонемные;
- слоговые.

В первых основной звуковой единицей является *фонема*, представленная в речи отдельным звуком. Во вторых минимальной конститутивной единицей является *слог*, который всегда совпадает с морфемой, а минимальной линейной единицей сегментации – отдельный звук, т.е. элемент слога. К фонемным языкам относятся, в частности, все европейские. Слоговые языки – это китайский, вьетнамский, бирманский и другие языки Юго-Восточной Азии, Дальнего Востока, а также некоторые африканские.

Ключевым понятием функциональной фонетики, или фонологии, является понятие фонемы.

Фонема (греч. *phōnēta* ‘звук, голос’) – минимальная единица звукового строя языка, служащая для построения, опознавания и различения значимых единиц: морфем и слов.

Из этих кратчайших звуковых единиц строятся единицы языка, наделенные значением. Следовательно, фонемы как таковые единицами языка не являются, поскольку сами по себе они лишены значения, однако существование единиц языка – морфем, слов и их форм – принципиально невозможно без фонем.

Фонемы не могут быть непосредственно отождествлены со слышимыми и произносимыми людьми в процессе речевого общения звуками. Фонемы представляют собой единицы звукового строя языка, тогда как слышимые и произносимые людьми конкретные звуки – это явления индивидуальной речи. В то же время реальностью, непосредственно данной человеку в восприятии, оказываются именно звуки. И эти слышимые и произносимые людьми в процессе речевого общения звуки представляют собой способ обнаружения и существования фонем. Фонемы как абстрактные единицы звукового строя языка самостоятельного бытия не имеют, а существуют лишь в звуках речи.

В большинстве случаев для выделения фонемы необходимо знание языка; соответственно, предполагается, что выделяемость фонемы некоторым образом сопряжена со смыслом и со значением, хотя сама по себе она не является значащей единицей. В связи с этим Л.В. Щерба, к примеру, отмечал, что отдельные звуковые элементы приобретают определенную степень самостоятельности благодаря установлению смысловых ассоциаций того или иного рода. Кроме того, не в последнюю очередь выделяемость фонемы обеспечивается также и фактом ее многократной повторяемости в тех или иных комбинациях с другими фонемами.

Теория фонемы является одной из сложнейших проблем языкознания. В мировой лингвистике существуют разные *фонологические школы* (пражская, лондонская, американская, ленинградская, московская и др.), отличающиеся своими подходами к разработке фонологической теории. В то же время оперирование понятием *фонема* позволяет упростить описание фонетических систем языков мира.

С точки зрения языкознания *функциональный аспект фонемы* является наиболее существенным. Разные авторы функции фонемы называют и классифицируют по-разному, хотя все, в принципе, говорят об одном и том же.

Фонема выполняет две ключевые функции, которые характеризуются наличием тесной связи друг с другом.

1. *Конститутивная (строительная) функция.* В этой функции (от лат. *constitutio* ‘построение’) фонемы выступают как строительный материал, из которого создается звуковая оболочка языковых единиц, наделенных значением (морфем, слов и их форм, иных вышестоящих единиц языка.)

2. *Дистинктивная (различительная) функция.* Эта функция (от фр. *distinctif* ‘отличительный’) выражается в том, что фонема служит для фонетического опознавания, семантического отождествления и различения слов и морфем.

Фонема, в отличие от других единиц языка, – это односторонняя единица: у нее есть только *план выражения* (звуки), но нет *плана содержания* (она не имеет значения). Однако фонема косвенно (потенциально) связана со смыслом, т.к. служит для различения значимых единиц языка, т.е. выполняет смыслоразличительную функцию. Строго говоря, фонемы различают не значения слов, а звуковые оболочки, связанные с разными значениями.

Многие лингвисты считают, что *дистинктивная* функция включает в себя *перцептивную* (опознавательную) и *сигнификативную* (смыслоразличительную) функции.

Перцептивная функция (от лат. *perceptio* ‘восприятие’) – функция доведения звуков речи до восприятия: она дает возможность воспринимать и опознавать органом слуха звуки речи и их сочетания, способствуя отождествлению одних и тех же слов и морфем.

Фонема является эталоном, с помощью которого носители языка отождествляют звуки (*идентифицирующая функция*). Например, в словах *пятый* [п'áты] и *пять* [п'áт'] звуки [á] и [á'] отождествляются носителями русского языка. Иногда идентифицирующую функцию выделяют в качестве самостоятельной.

Мы узнаем звуки и отличаем их от подобных звуков в других языках. Например, мы отличаем русский [э] в разных его вариантах (*этот, эти, лет, лень*) от открытого [æ] и закрытого [e] в английском языке: *pan* [ræn] 'кастрюля' и *pen* [pen] 'ручка'.

Сигнификативная функция (от лат. *significare* 'обозначать') – смысловоразличительная функция, т.е. функция различения значимых элементов языка – морфем и слов.

Мы воспринимаем слова как разные за счет того, что различаем разные фонемы в них. Например, слова *цел – цель* различаются за счет <л> – <л'>. Фонемы могут выступать как в словоразличительной функции (напр., *кора – нора*), так и в форморазличительной (напр., *рука – руке*).

Кроме названных основных функций, фонема выполняет также факультативную «сигнальную» функцию. В отличие от дистинктивной, она не проявляется регулярно, однако о наличии её свидетельствуют существующие в каждом языке различные ограничения на сочетаемость тех или иных звуковых элементов в речевой цепи. В лингвистической литературе эта функция называется делимитативной.

Делимитативная (ограничительная) функция (от лат. *limitis* 'граница, черта') – функция обозначения пограничного сигнала, т.е. границы между двумя последовательными единицами (морфемами, словами).

Пограничный сигнал может быть двух типов:

- а) сигнал наличия границы (положительный пограничный сигнал);
- б) сигнал отсутствия границы (отрицательный пограничный сигнал).

Например, положительный сигнал наличия границы слова в немецком языке проявляется в сильном приступе в начальном гласном, в чешском – в начале слова, отмеченном фиксированным ударением.

Примеры отрицательного пограничного сигнала: в английском языке <N> не может быть в начале морфемы или слова (т.е. перед ним нет границы морфемы / слова), а <w> не может заканчивать морфему или слово.

Раздел II. ОСНОВНЫЕ УРОВНИ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ

Морфемно-морфологический уровень языка.

1. Строевая функция морфемы.

Задание. Прочитайте § 28 из учебного пособия д.ф.н., проф. Б.Ю. Нормана «Теория языка. Вводный курс»². Объясните, почему автор называет морфему «субзнаком» и в чем заключаются трудности морфемного членения слова.

Морфема – значимая часть слова

Морфема – своего рода «субзнак»: это минимальная языковая единица, обладающая своим планом содержания и планом выражения, но (в отличие от слова и предложения) не способная к самостоятельному функционированию. Морфема не называет предмет и не сообщает информацию, ее функция иная: *строевая*, иначе говоря – строительная.

² Норман Б.Ю. Теория языка. Вводный курс: учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2003. // <http://rus.1september.ru/article.php?ID=200200508>

Условием для выделения морфемы является то, чтобы она повторялась, встречалась в составе разных слов. А.М. Пешковский писал: «Огромное большинство слов распадается в нашем уме на части, которые возникают при сравнении слова с другими словами, и эти части имеют значение». Действительно, для того чтобы морфему выделить, мы должны обнаружить ее в разных словах. Только сравнивая между собой, допустим, *дворник*, *печник*, *охотник*, *лавочник*, *ложник* и т.п., мы приходим к выводу о том, что в русском языке существует морфема *-ник-* со значением ‘лицо, признаком которого является предмет, названный в соседней, предыдущей морфеме’.

А если морфема не повторялась бы в разных словах? Тогда нам трудно было бы ее выделить, трудно описать ее значение. Вот, скажем, в слове *рукав* легко выделяется морфема *-рук-*. Она встречается во многих других русских словах – *рука*, *рукопись*, *вручную* и т.п. – и везде обозначает верхнюю конечность человека. А вот что значит вторая часть в этом слове: *-ав-*? Она, кажется, в других словах не встречается (ясно, что *нрав* или *волкодав* не подходят...), и потому описать ее значение непросто. Можно, конечно, сделать это «по остаточному принципу», выделяя из значения целого слова *рукав* значение морфемы *-рук-*. И тогда мы получим что-то вроде: *-ав-* – ‘часть одежды, прикрывающая соответствующую часть тела’, но проверить это трудно: других-то слов с таким элементом нет!

Неповторяющиеся, уникальные морфемы – это в общем-то не такая уж редкая ситуация. Возьмем для примера упоминавшееся ранее существительное *плюрализм*. Что значит в нем *-изм-* – понятно, об этом уже шла речь: ‘позиция, отношение, течение, направление’. А как быть с оставшейся частью *-плюрал-*? Носителю русского языка нет дела до того, что данный корень – латинского происхождения и в латыни *pluralis* означало ‘множественный, многообразный’. В русском языке данная морфема нигде более не встречается (если не считать производных от *плюрализм* слов *плюралист*, *плюралистский* и т.п.), и определять ее придется опять-таки по принципу «что останется», отнимая от значения слова в целом значение суффикса...

Уже из приведенных примеров следует, что морфемы – значимые части слова – характеризуются в составе целого разными функциями. В русской грамматической традиции принято выделять три вида морфем в соответствии с их ролью: корневые, словообразовательные и словоизменительные.

Корневые морфемы, или просто корни, несут на себе основную часть лексической «нагрузки» слова; они указывают на происхождение лексемы, соотнося ее с другими, родственными словами. Так, в словах *рука*, *ручка*, *рукав*, *рукавица*, *наручник*, *поручень*, *рукопись*, *вручную* и т.п. мы выделяем один и тот же корень *-рук-/-руч-*.

Словообразовательные морфемы (префиксы³ и суффиксы) служат для формирования новых слов. Корень вместе со словообразовательными морфемами составляет морфологическую основу слова. Основа слова уже «целиком» содержит лексическое значение и остается неизменной при образовании форм слова, ср.: *ручк-а*, *ручк-и*, *ручк-е*, *ручк-у* и т.д.

Словоизменительные морфемы выполняют грамматические функции. Это значит: они относят слово к тому или иному грамматическому классу, придают слову необходимую в данном контексте форму (то есть образуют словоформу), связывают лексему с другими словами – партнерами по высказыванию. В русском языке словоизменительные морфемы выступают в виде флексий⁴ (окончаний). Так, в примерах *Девочка машет из окна ручкой* и *Ребенок тянет ручки к матери* лексема *ручка* представлена двумя словоформами, образованными соответственно при помощи флексий *-ой* и *-и*.

Морфемы могут вступать между собой в различные комбинации. Например, в словоформе *ручка* представлены корень *-руч-*, суффикс *-к-* и флексия *-а*, в словоформе

³ **Префикс** (от лат. *praefixus* – ‘приставленный спереди’) – приставка; морфема с грамматическим значением, стоящая перед корнем.

⁴ **Флексия** (от лат. *flexio* – ‘изменение’) – окончание; грамматическая морфема, стоящая после корня и служащая для изменения слов.

впрямь – префикс *в-* и корень *-прям'*-, в словоформе *немедленно* – префикс *не-*, корень *-медл'*- и два суффикса: *-енн-* и *-о-*. «Комплект» тут может быть самым разным, но одно условие обязательно: корень должен быть представлен. Если в словоформе всего одна морфема (например: *там, очень, шоссе, нет, хлоп!*), это и есть корень. В сущности, корень можно определить и как часть слова, остающуюся после отсечения словообразовательных и словоизменительных морфем, – хотя таким путем мы просто переносим центр тяжести данной проблемы на вычленение суффиксов и префиксов...

А проблема деления слова на морфемы заключается прежде всего в том, что со временем – об этом уже говорилось в предыдущем параграфе – исходное значение морфемы стирается, «угасает». В самом деле, продолжая ряд производных типа *ручка, рукав, наручник, поручень...*, мы можем спросить себя: а чувствуется ли «связь с рукой» в таких словах, как *несподручно* или *выручка*? Если и да, то довольно слабая, «притянутая за уши». Пожалуй, с таким же правом мы можем разглядеть тот же корень *-рук-/-руч-* в существительных *обруч* или *поручик*: не так уж трудно подыскать мотивировки, связывающие их значение с рукой!

Получается, что корневая морфема указывает не столько **что значит** слово, сколько **как (от чего) слово возникло**. Вот этот «исторический привкус» корня есть, можно сказать, дань (или уступка) словообразовательному анализу. И такая противоречивость или непоследовательность морфемного членения слова дает о себе знать довольно часто, это один из объективных парадоксов языка. Можно ли, положим, в слове *пожар* усмотреть корень *-жар-*? Можно ли в слове *крыльцо* выделять корень *-крыл'*- и суффикс *-ц-*? Можно ли в слове *близорукий* находить связь с *рукой* или же это только неправильная, ложная этимология? Все эти вопросы трудны не только для ученика, но и для учителя, и для ученого. Сам же язык отвечает на них хитро, в соответствии со своей эволюционной природой. Он говорит как бы: и да, и нет. То есть – в какой-то степени можно, а в какой-то нельзя. Раньше в слове *пожар* несомненно был корень *-жар-*, но теперь здесь скорее целиком корень *пожар*. Раньше в слове *крыльцо* действительно был суффикс *-ц-*, а теперь его, пожалуй, уже и нету. Первоначально *близорукий* включало в себя корень *-зр-* (*близозоркий*, то есть ‘видящий только вблизи’), но теперь уже слово довольно прочно соотносится в сознании носителя языка со словом *рука* (*близорукий* – как бы ‘близко подносящий руки к глазам’)... Таким образом, нам приходится при морфемном членении слова в каком-то смысле искусственно прерывать процесс языкового развития, останавливать его на каком-то моменте, говоря «уже да» или «еще нет», хотя сам язык, может быть, такой черты и не проводит.

Столкновение сегодняшнего дня и истории – только одна трудность, сопровождающая морфемное членение слова. Другая, не менее сложная проблема связана с варьированностью морфемы. В самом деле, уже на приводившихся выше примерах можно заметить, что одна и та же морфема от слова к слову варьируется, в той или иной мере изменяет как свой план выражения, так и план содержания.

Скажем, морфема *-рук-* довольно часто выступает в виде *-руч-*: *ручка, ручной, вручать...* Иногда же в ней конечный согласный звучит как [к']: *руки, руке, безрукий...* Можно найти также примеры, в которых этот конечный согласный заменяется на [ш] (*рушник*) или даже на [ц] (в частности, в составе фразеологизма *всё в руке Божией*, где *руце* – старая форма местного падежа)... И это закономерно: коль скоро морфема – языковая единица, то она должна выступать в речи в разных вариантах, воплощаться в разные материальные оболочки.

Видоизменяется и план содержания морфемы, и это касается не только корней. Например, суффикс *-к-* в «классическом» варианте передает значение уменьшительности или ласкательности (*улочка, туфелька, бородка* и т.п.). Но о какой уменьшительности или ласкательности может идти речь в случае, скажем, *минутка* (*Задержись на минутку, пожалуйста*)? Ведь минута как отрезок времени не может быть ни большой, ни маленькой, да и ласковое к ней отношение тоже как-то кажется странным? Просто суффикс *-к-* здесь сообщает слову доверительно-интимную окраску, имеющую конечной целью «задобрить»

собеседника, выразить дружеское к нему отношение и т.п. Суффикс *-к-* может также передавать оттенок иронический, неодобрительный («*Ну и погодка!*»). Наконец, в каких-то случаях *-к-* вообще как бы теряет свое значение (скажем, в словах вроде *половинка* или *тетрадка*). Многозначность, таким образом, – явление нормальное не только среди слов, но и в сфере морфем.

Закономерное изменение плана выражения и плана содержания морфемы снова ставит перед нами уже знакомую проблему тождества языкового знака, только поворачивает ее новой стороной. А именно: где предел варьирования морфемы? До каких пор перед нами еще «та же самая» морфема, а с каких пор уже «новая», другая? Не стоит ли, скажем, считать, что в русском языке есть **несколько** суффиксов *-к-*, каждый со своим собственным значением? Или не следует ли наряду с морфемой *-рук-*, обозначающей верхнюю конечность человека, выделять «новые», отдельные корневые морфемы, вобравшие в себя бывшие префиксы: *порук-*, *поруч-*, *выруч-* и т.п.? Или как трактовать слова *месть* и *мзда* – как представляющие варианты одного корня или же как разнокорневые?

Вспомним по данному поводу то, что говорилось в § 9 о структуре знака вообще. Если меняется только один план (или выражения, или содержания) при сохранности второго плана, знак сохраняет тождество самому себе. Если же меняются обе стороны, то перед нами уже другой знак, новая двусторонняя единица. Поэтому, видимо, нет оснований различать в русском языке «несколько» суффиксов *-к-*: у них нет достаточной специфики в плане выражения. В то же время в других случаях семантические различия как бы подтверждаются формальными – и тогда морфема «расщепляется» на две морфемы. Так, элементы [мс'т'] (*мстить*), [м'ес'т'] (*месть*), [мщ'] (*мищу*), [м'ез'д'] (*возмездие*) – это все варианты одной морфемы, одного знака. Но [мс'т'] (*мстить*) и [мзд] (*мзда*) – это уже разные корни: одновременно с формальной стороной изменился и план содержания...

В разных языках морфемная структура слова различна. Есть языки – к их числу принадлежат и русский, и белорусский, в которых сильно развито словообразование и словоизменение. Приведу простой пример. Женщина преклонного возраста может быть названа по-русски *старухой*, *старушкой*, *старушечкой*, *старицей*, *старушонкой*, *старушоночкой*, *старушенцией* и т.д. (ср. также от других корней: *бабка*, *бабушка*, *бабуля*, *бабуся*, *бабулька* и т.п.) – мы сразу чувствуем здесь богатые словообразовательные возможности языка. Но есть языки, в которых слово имеет сравнительно простую морфемную структуру, – к их числу принадлежит, например, английский. В таких языках соответствующие значения выражаются во многом иными средствами: через сочетаемость лексем, через заимствования из других языков, через развитие у слова переносных, вторичных значений.

Причем среди языков, в которых развито словообразование и словоизменение, есть такие, которые отдают предпочтение префиксации: они могут «нанизывать» перед корнем по несколько префиксов. А есть языки, в которых слово всегда начинается с корня, и уже за ним следует длинная цепочка суффиксов и флексий. Все эти различия связаны с общим грамматическим строем языка: с развитием в нем предлогов и других служебных слов, с установлением жесткого или, наоборот, относительно свободного порядка слов в предложении и т.д.

Таким образом, место, которое занимает морфема в языковой системе, обусловлено ее отношениями с другими важнейшими единицами языка: словом и предложением.

2. Парадигма как совокупность словоформ одного слова.

Задание. Составьте конспект по данной теме с опорой на следующие учебные вопросы:

1. Понятие лексемы и словоформы. Словоформа как двусторонняя единица. Синтактика словоформ.
2. Словоизменение, словообразование, формообразование: соотношение понятий.
3. Парадигматические и синтагматические отношения языковых единиц. Сущность понятия «парадигма» в морфологии.
4. Разновидности морфологических парадигм: полная, неполная, недостаточная, избыточная, перекрещивающаяся (с примерами).
5. Упорядоченное представление парадигмы в форме граммем (на примере русского склонения и спряжения).

Лексико-семантический уровень языка.

Значение слова как сложная, иерархически организованная система компонентов, или «сем».

Лексико-семантическое поле – совокупность языковых единиц, объединенных интегральным лексико-семантическим признаком.

Задание. Прочитайте § 25 из учебного пособия д.ф.н., проф. Б.Ю. Нормана «Теория языка. Вводный курс»⁵. Объясните, почему автор называет значение слова «живой», «дышащей» структурой. Найдите ответы на следующие вопросы:

1. Почему слово является основной единицей языка?
2. В чем заключается комплексный характер лексического значения слова?
3. Как называется элементарная мыслительная единица? Как можно классифицировать эти единицы?
4. Какие два типа лексических значений считал необходимым выделять А.А. Потенция?
5. Что такое сема, семантическое поле?
6. Какие семы являются периферийными и каково их место в составе лексического значения?
7. Что автор понимает под «семантическим развитием» слова?
8. Что такое речевой и окказиональный перенос лексического значения? Приведите примеры.
9. Приведите примеры «усиленного общественно-политического компонента» в значении лексемы.
10. Какой вывод делает автор в результате анализа приведенных им оригинальных примеров?

Лексическое значение как комбинация сем

Слово по праву занимает центральное место в языковой системе: вокруг него группируются все остальные языковые единицы – и большие, такие, как предложения, и меньшие, такие, как морфемы. Слово как бы впитывает в себя культуру народа, аккумулирует весь его опыт. История отдельных выражений часто достойна целых исследований (в русском языкознании образцом таких штудий могут быть работы

⁵ Норман Б.Ю. Теория языка. Вводный курс: учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2003. // <http://rus.1september.ru/article.php?ID=200200508>

В.В. Виноградова – например, о словах *ахинея, подвиг, простофиля* и др.). Но и в том случае, если подходить к семантике слова как к чему-то данному, готовому, следует признать: она тоже достаточно сложна, сложна сама по себе.

В ходе размышлений о природе языкового знака, уже отмечался комплексный, сложный характер лексического значения. Говорилось, например, о том, что в плане содержания русского слова *стол* выделяются такие семантические компоненты (по-другому – семы), как: ‘мебель’, ‘состоящий из ножек и горизонтальной плоскости’, ‘служащий для работы, приема пищи’, ‘изготавливаемый обычно из дерева’ и т.п. К этому стоит добавить, что данные компоненты занимают в значении слова неравное положение: у них, так сказать, разный удельный вес. К примеру, сема ‘состоящий из ножек и горизонтальной плоскости’ явно важнее (это значит – постоянное, обязательнее) для слова *стол*, чем, положим, ‘изготавливаемый обычно из дерева’, а ‘изготавливаемый обычно из дерева’, в свою очередь, важнее, чем, допустим, ‘большой’ или ‘коричневый’ и т.д.

Лингвисты предлагают рассматривать значение слова как поле (наподобие физического), выделяя в нем центральную часть (по-другому – ядро) и периферию (окраину). Соотношение этих двух частей у разных слов тоже неодинаково. В принципе (как правило) *центральная часть лексического значения соответствует понятию*: это, так сказать, отстоявшаяся, рационально взвешенная основа лексической семантики. Периферию же составляют разнообразные дополнительные семы, не входящие в состав понятия.

Понятие – это элементарная мыслительная единица, которая образуется комбинацией существенных признаков, выделяемых у класса предметов. Однако там же отмечалось, что наряду с понятиями *научными*, строго обоснованными и упорядоченными, существуют понятия *бытовые*, стихийно формирующиеся у человека в ходе его ежедневной практической деятельности. Скажем, в быту человека мало волнует то, к какому классу и отряду относятся слоны – для него важнее то, что это большие животные, у которых есть хобот и бивни, и то, что их можно увидеть в цирке и зоопарке... Точно так же обычному человеку нет дела до того, на каком основании наука разграничивает моря и озера (а это и местоположение, и история развития, и характер протекающих в них процессов). Для него море – большое и соленое, а озеро – поменьше и с пресной водой, вот и все. И если какие-то географические названия плохо укладываются в научную классификацию (ср.: *Мертвое море, Аральское море, Минское море...* – на самом деле это всё озера!), то тем хуже для научной классификации! Носителя языка эти названия вполне устраивают...

В лексическом значении слова фиксируются, насколько возможно, научные и бытовые основания понятий. Если же научное и бытовое понятия существенно расходятся (как мы видели) или даже противоречат друг другу, то лексическое значение пытается найти между ними компромисс. Вот, например, какое толкование слову *слон* дает «Словарь русского языка» С.И. Ожегова: «крупное млекопитающее тропических стран, с длинным хоботом и двумя бивнями». Поэтому А.А. Потемня считал необходимым выделять в слове два типа лексических значений: *блжашее*, используемое всеми носителями языка, и *дальнейшее*, известное специалистам в конкретной области. Конечно, у терминов – слов, употребляющихся в специальных сферах (медицине, юриспруденции, химии, спорте и т.д.), лексическое значение оказывается практически *равным* научному понятию. У других же, общеупотребительных, слов оно в большей степени согласуется с бытовым, повседневным опытом. Но в любом случае ядро лексического значения образуется семами, соотносящимися с понятийными признаками.

Что же остается за пределами этого ядра? Для большинства слов очень важна *периферийная* часть их семантического поля. Эта периферия образуется семами образного восприятия, эмоциональной оценки, стилистической и экспрессивной окраски, контекстуальных и культурных ассоциаций и т.д.

Например, русские слова *лицо, лик, физиономия, рожа, морда, харя, личико, мордашка, физия, мурло* и т.п. в принципе равны по своему понятийному содержанию: это ‘передняя часть головы человека’. Однако если значение слова *лицо* практически и

ограничивается этим понятием (периферия здесь сводится к минимуму), то в значениях остальных лексем, наоборот, эмоционально-образные и стилистические компоненты весьма сильны. В частности, слово *лик* подразумевает семы 'возвышенное' и 'архаичное', *физиономия* и *физия* – 'ироническое', *рожа* – 'сниженное', 'некрасивое', *морда* и *харя* – не только 'сниженное' и 'некрасивое', но еще и 'страшное', а *мурло* – 'наглое' и т.д.

Причем образные, стилистические и прочие «периферийные» семы не просто дополняют, «окрашивают» собой семы понятийные. Скорее их взаимоотношения в составе лексического значения похожи на конкуренцию, на стремление подавить, вытеснить своего соперника. Это значит, что если в семантике слова очень силен образный компонент, то он как бы заслоняет собой, подменяет понятийную основу. С другой стороны, стоит понятийной части самой ослабиться, «сжаться», и сразу же семантическое пространство на правах хозяина занимают те же самые образные, стилистические, эмоционально-экспрессивные семы...

Обратимся к некоторым словесным обозначениям человека. Скажем, довольно трудно объяснить логически, что означают русские слова *молодчина*, *браток*, *обормот*, *хмырь*, *хрыч*, *мымра*, *хлыщ*, *фря*... Как очертить соответствующие понятия? Сделать это очень трудно. Проще всего свести значения этих слов к эмоциональной оценке: *молодчина* означает 'хороший человек' (похвала), *обормот* – 'не очень хороший человек' (неодобрение), *хмырь* – 'неприятный человек' (неприятие) и т.п. Не случайно, кстати, в словах с неодобрительной окраской наблюдается такое скопление согласных [х], [ф], [р], [м], [ч] – они создают своего рода фонетический образ, замещающий четкую понятийную характеристику.

Говоря о дополнительных, противопоставленных понятийным, семах в составе значения слова, мы до сих пор сводили их преимущественно к образным (зрительным, вкусовым, слуховым) представлениям. Однако периферию лексического значения составляют и другие компоненты – территориальные, временные, общественно-политические и т.п. К примеру, в значении слова *хата* отчетливо чувствуется южнорусская (или белорусская, украинская) окраска. И неудивительно: слова нередко бытуют только на определенной территории. Один и тот же предмет – билет на транспорт – в одних городах называют *проездной*, в других – *месячный*, в третьих – *абонемент*, в четвертых – *карточка*... Не менее любопытна временная окраска слова, так сказать, историческая патина на его семантике. Что такое, скажем, *аэроплан*? В общем, то же самое, что *самолет*, только применительно к начальному периоду воздухоплавания (в СССР практически до Второй мировой войны самолеты назывались аэропланами). А *пирушка* – то же самое, что *вечеринка*, *гулянка*, *попойка*... плюс определенный «аромат эпохи».

Наконец, специально стоит выделить в значении лексемы общественно-политический компонент. Действительно, употребление слова очень часто зависит от того, какую социальную и политическую оценку мы даем обозначаемому явлению. Чем отличается *контрразведчик* от *шпиона*? Очевидно, только тем, что он – «наш», действует в пользу того государства, представителями которого мы являемся. А шпион – наоборот, «не наш», действует против нас. Чем отличается *повстанец* от *мятежника*? Опять-таки понятийная основа, составляющая ядро лексического значения, у этих слов одинакова: и там, и там это «участник сопротивления правящему режиму». Однако в зависимости от нашего отношения к данному человеку (и к данному режиму) мы выберем только одно название... Как и в случае с образными семами, семы политические могут быть настолько активными, что подчас они просто заслоняют собой, оттесняя на периферию, семы понятийные. К примеру, довольно трудно описать значение русского слова *доблесть*. Что это – отличие? почет? усердие? храбрость? блеск?.. Вместе с тем когда мы слышим выражения вроде *трудовая доблесть* или *наши доблестные воины*, то прекрасно ощущаем тот положительный заряд, который содержится в данном корне: *доблесть* – это что-то очень хорошее. Именно благодаря семам общественно-политической оценки *доблесть* становится в единый ряд с

другими словами, несущими определенный идеологический заряд: *вождь, отечество, оплот, стяг, твердыня, торжественный, провозвестить, залп* и т.п.

Многие поколения советских людей традиционно связывали начало новой эры с залпом «Авроры», так что само это выражение превратилось в устойчивое словосочетание, фразеологизм. И никто, кажется, не задумывался: а ведь залпа-то, собственно говоря, и не было. Залп, как свидетельствует словарь русского языка, – это одновременный выстрел из нескольких стволов. А крейсер «Аврора» стрелял из одного орудия! Однако социальная и эмоциональная окраска слова *залп* оказалась настолько ярче и «выше» нейтрального *выстрел*, что незаметно произошла подмена: обыденный *выстрел* превратился в торжественный *залп*.

Наряду со словами, несущими в себе положительную общественно-политическую оценку, существуют, естественно, лексемы, содержащие отрицательную социальную окраску; это значит «не наш», «чуждый», «принадлежащий к враждебному лагерю», «плохой», «вредный» и т.п. В русском языке это, например, *главарь, банда, логово, рассадник, делец, махинатор, злостный, лицемерный, лживый, абсурдный, провокационный, угнетать, состряпать, инспирировать, голословно, беспардонно* и т.п. В значениях всех этих лексем, как и в предыдущем случае, оценочный социальный компонент конкурирует с рациональным, понятным, нередко оттесняя его на второй план. Вот как одна из газет пародировала некогда популярный публицистический стиль: «В телекомпании окопались кучки жалких отщепенцев, которые в бессильной злобе тщетно пытаются фабриковать высосанные из пальца заведомо ложные измышления...» Объективная информация, содержащаяся в данной цитате, крайне скудна: она сводится к тому, что «работники телекомпании готовят сообщения». А все остальное – сплошная политическая оценка!

Картина взаимодействия сем в составе лексического значения не будет полной, если не сказать также о мобильности этой структуры, о динамике значения в речи. Выше уже говорилось о семантическом развитии слова: значение постоянно стремится измениться, «сдвинуться» по отношению к плану выражения. Теперь же оказывается, что перенос значения – это не только постепенная и незаметная эволюция, но, возможно, также разовый, сиюминутный сдвиг, наблюдаемый в речи, в конкретном контексте. Лингвисты называют такой перенос значения *о к к а з и о н а л ь н ы м* (от лат. *occasio* ‘случай, совпадение’).

Возьмем, к примеру, слово *кирпич*. Это: 1. Брусек из обожженной глины, употребляемый для построек; 2. Изделие в форме такого бруска. Но в речи мы можем оказаться свидетелями употребления лексемы *кирпич* в каких-то иных, окказиональных значениях. Вот покупательница в обувном отделе «Детского мира» реагирует на предложенные ей сандалии: «Разве это сандалии? Кирпичи какие-то!» – имея в виду их тяжесть и грубость. Очевидно, периферийные для слова *кирпич* семы – ‘тяжелый’, ‘твердый’ – становятся в данном случае самыми важными, перемещаются в центр семантического поля. Другой пример. На заседании суда выступает прокурор: «Показания свидетеля Н. – это еще один кирпич в здание обвинительного заключения». Здесь «срабатывает» сема ‘строительный материал’, изначально заложенная в значении лексемы *кирпич*. Благодаря ей в семантике слова происходит опять-таки разовая – для данного контекста – реорганизация, перестройка: *кирпич* получает значение ‘составная часть чего)либо’.

Можно было бы показать, что и другое слово, семантику которого мы подробно исследовали, – существительное *стол* – тоже допускает речевой перенос значения, основанный на активизации какой-то из сем, входящих в его состав. Скажем, пассажир в электричке говорит своему попутчику: «Ну-ка, где тут был наш стол?» – имея в виду дипломат (кейс), служивший им опорой при игре в карты... Конечно, подобные словоупотребления не совсем обычны, они как бы содержат в себе скрытые сравнения, метафору. По этой же причине их не фиксируют словари – они просто и не смогли бы предусмотреть все возможные сдвиги в значении слова. Однако при всем своем разнообразии речевые, или окказиональные, изменения в значении лексемы вполне

закономерны, потому что опираются на те элементы смысловой структуры слова, которые заложены в языке, узаконены языком.

Таким образом, значение слова – не застывшая структура, не «казарма», в которой каждой семе раз и навсегда отведено ее постоянное место. В речи эта структура «дышит», «шевелится», живет своей жизнью. Семы «выступают» на передний план или, наоборот, отходят в тень, передвигаются с окраины в центр и обратно.

Синтаксический уровень языка.

1. Парадигматические отношения на уровне словосочетания.

Задание. Подготовьтесь к устному ответу по данной теме с опорой на следующие учебные вопросы:

1. Парадигматические и синтагматические отношения языковых единиц. Сущность понятия «парадигма» в синтаксисе.
2. Синтаксический уровень языка: подуровень словосочетания и подуровень предложения. Основная функция соответствующих языковых единиц.
3. Парадигматические отношения в словосочетании: выбор из 4-х моделей:
 - 1) согласование;
 - 2) управление;
 - 3) примыкание;
 - 4) координация.

2. Концепция Ф. де Соссюра о дихотомии языка и речи.

Задание. Прочитайте начало 2-й главы «Сущность языка и речи» из учебного пособия д.ф.н., проф. Н.Ф. Алефиренко «Современные проблемы науки о языке»⁶. Составьте тезисы приведенного ниже фрагмента, а также других материалов из данной главы: гносеологические, онтологические, прагматические определения языка и речи.

Сущность языка и речи

Проблема объекта и предмета в современной лингвистике связана главным образом с необходимостью установления границ науки о языке и с определением ее основных категорий, понятий и единиц. Иными словами, она напрямую связана с основным вопросом: чем должно заниматься языковедение и что выходит за рамки его компетенции. И это не праздный вопрос: в современных работах по лингвокультурологии нередко приходится встречаться, хотя и с интересными, но с исключительно экстралингвистическими изысканиями; в исследованиях по когнитивной лингвистике наблюдается та же диспропорция – в сторону чистой когнитологии, психологии мышления, логики или гносеологии; социолингвисты пытаются все в жизни языка объяснить социальными факторами в ущерб собственно лингвистическим законам и т.п. Отсюда и путаница с единицами и категориями: в лингвокультурологии – лингвокультурема, слово или культурные концепты; в когнитивной лингвистике – языковое значение, смысл или концепт; в социолингвистике – социолект, социоидиома или языковая ситуация?

Подобные сложности подстерегают исследователей в области прагмалингвистики, психолингвистики, этнолингвистики и т.д. И дело здесь не только в междисциплинарных

⁶ Алефиренко Н.Ф. Современные проблемы науки о языке: учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2014. // <http://ru.b-ok.org/ireader/2897052>

связях, но и в исконной двойственности объекта нашей науки, о которой писали и В. фон Гумбольдт (*ergon – energeia*), Ф. де Соссюр (*язык – речь*), Н. Хомский (*языковая компетенция – языковое употребление*), Л. Ельмслев (*схема – узус*).

Другие исследователи, наоборот, избегают говорить о подобной двойственности, что приводит а) или к нежелательному смешению разнопорядковых явлений, б) или к изучению, главным образом, речи (язык при этом рассматривается как метаязыковое средство описания речи), либо в) к описанию языковой системы при сознательном игнорировании речевых явлений. Такие ограничения, разумеется, допустимы при исследовании частных вопросов жизни языка, но при создании общей лингвистической теории они заведомо делают ее ущербной. Выход из этой ситуации один: разграничивая язык и речь, не следует их противопоставлять, поскольку они суть две стороны одного и того же феномена – специфического вида человеческой деятельности, обеспечивающей общение и мышление людей.

Такое разграничение необходимо практически для любого исследования уже потому, что, с одной стороны, «исторически факт речи всегда предшествует языку» (Ф. де Соссюр), а единицы языка вычлняются из речи; речь содержит в себе нечто спонтанное и живое, она нечто большее, чем язык. С другой стороны, речь организуется более или менее по законам языка, который она сама создала (А. Сеше). В связи с этим, «по меньшей мере, странно заниматься лишь частным в обход того (большого), в которое входит это частное». В основе любой лингвистической теории должно находиться первичное, большее, общее, т.е. речь (В.А. Звегинцев). Главной задачей языковедения является не только и не столько описать систему языковых средств, сколько исследовать механизмы деятельности языка, не устранив от его первоосновы, поскольку речь – место встречи языка с мыслью (А.А. Потебня, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, В.А. Звегинцев и др.). Итак, лингвистика изучает две ипостаси одного и того же объекта.

Стройное, хотя и небесспорное разграничение языка и речи Ф. де Соссюром достигается путем бинарных (двучленных) противопоставлений их отличительных признаков, образующих известные **дихотомии**, или **антиномии**.

1. Язык (*langue*) – явление чисто психическое, а речь (*parole*) – явление психофизическое.
2. Язык есть система знаков, а речь асистемна, поскольку представляет собой некий «сверхязыковой остаток» речевой деятельности.
3. Язык – социальное явление, тогда как речь – явление индивидуальное.
4. Язык есть форма, в то время как речь – субстанция, поскольку включает в себя звуки и значения (субстанция < лат. *substantial* – сущность).
5. Язык – сущность, речь – явление.

В послессоссюровском языкознании эти антиномии были дополнены другими. Среди них назовем наиболее значительные:

Язык – нечто общее, абстрактное, а речь – частное и конкретное (Н.С. Трубецкой).

Язык – постоянен; речь – преходяща, переменна (С.Н. Трубецкой, Л. Ельмслев).

Язык – код, система, речь – ее реализация, текст; сообщение.

Язык – потенция, речь – ее актуализация.

Язык – инвариант, речь – вариант.

Наблюдается также новое обозначение объекта изучения и его составляющих. Происходит это, видимо потому, что существует возможность избежать неоднозначного терминопотребления, когда термином *речь* называют и саму речевую деятельность и ее компонент – «язык в действии». Поэтому возникают такие определения соотношения языка и речи, как код и обмен сообщениями, средство и цель (Р.О. Якобсон), диссоциация и интеграция (Э. Бенвенист), сущность и явление, форма и содержание. И все же эти определения выделяют лишь один из признаков дихотомии «язык – речь», они не учитывают основного признака оппозиции – «процессуальности». Л.В. Щерба попытался устранить этот просчет, предложив различать «обработанный лингвистический опыт» и «процесс

говорения», что перекликается с гумбольдтовским пониманием языка как статического явления, а речи – как динамического.

Стремясь к более глубокому определению сущности речевой деятельности, И.Р. Гальперин представляет ее в виде тетратемии (вместо привычной дихотомии), т.е. различает в речевой деятельности не две стороны, а три – язык, речь и текст. Каждый из этих компонентов выполняет особые функции: язык систематизирует факты лингвистического опыта, которые доступны наблюдению и обобщению; речь реализует сообщения; текст фиксирует сообщения в виде документа, письменного или звукового – это уже моделированная речь.

Ученый подчеркивает, что факты языка располагаются по вертикальной оси и находятся по отношению друг к другу в подчинительной связи (в отношениях иерархии). Факты речи располагаются по горизонтальной оси, причем в строго поступательном движении. Факты текста располагаются как в поступательном, так и в регрессивном направлениях (написанное можно прочитать или прослушать в исполнении другого человека, например чтеца, или в записи на магнитофонной ленте). Все это позволяет проникнуть в трехаспектную сущность речи, выделив в ней следующие ярусы:

– сегментный, на котором речевой поток членится на воспринимаемые отрезки в виде линейной прямой;

– сверхсегментный, или паралингвистический, ярус, который накладывается на сегментный (интонация) и дополняет высказывания своеобразными смысловыми оттенками; он всегда модален и нередко повышенно эмоционален;

– кинетический, являющийся по существу внеязыковым (экстралингвистическим), но существенно дополняющий смысл высказывания при помощи жестов и мимики. Кинетика нередко предопределяет интонационный рисунок высказывания, его морфологическую, лексическую и синтаксическую организацию.

Представленные выше толкования проблемы соотношения языка и речи требуют, разумеется, критического осмысления с точки зрения современного состояния науки о языке. Прежде всего, такой анализ необходим для дихотомий Ф. де Соссюра. И дело здесь не только в хронологии: в них основа основ всего учения выдающегося швейцарского лингвиста, определившего характер развития лингвистической мысли в XX веке. По этому поводу уместно привести суждения Луи Ельмслева: «Сущность учения Ф. де Соссюра, выраженная в самой краткой форме, – это различие между языком (*langue*) и речью (*parole*). Вся остальная теория логически выводится из этого основного тезиса».

Н.А. Слюсарева считает целесообразным рассматривать соссюрские дихотомии в трех ракурсах: гносеологическом, т.е. с точки зрения теории познания; онтологическом – с точки зрения предметных свойств языка и речи; прагматическом – с точки зрения сферы применения и характера использования языка и речи.

Текст как единица языка.

Изучение текста в русской филологии.

Понимание текста и как единицы языка, и как произведения речи.

Лингвистика текста как самостоятельная дисциплина.

Задание 1. *Познакомьтесь с учебником (лекционным курсом) д.ф.н., проф. К.А. Филиппова «Лингвистика текста»⁷. Используя материалы данного учебника, подготовьте доклад по одной из следующих тем:*

⁷ Филиппов К.А. Лингвистика текста. Лекционный курс. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. // <https://studfiles.net/preview/3849573/page:2/>

1. Предмет и задачи лингвистики текста. Место лингвистики текста среди других научных дисциплин.
2. Лингвистический анализ текста в 1-й полов. XX в.
3. Сложное синтаксическое целое А.М. Пешковского.
4. Концепция текста И.Р. Гальперина.
5. Текст в широком и узком понимании. Различные подходы к описанию текста.
6. Основопологающие признаки текста. Классификация «текстообразующих» средств.
7. Соотношение между формой, содержанием и функцией текста.
8. Коммуникативное направление в лингвистике текста.
9. Специфика диалога как особого типа текста. Концепция диалогических отношений в трудах М.М. Бахтина.
10. Лингвистика текста и современный анализ разговорной речи.

Задание 2. Составьте план-конспект устного ответа на практическом занятии по теме «Текст как единица языка и речи», используя помещенный ниже фрагмент лекции «Лингвистика текста как самостоятельная научная дисциплина».

Лингвистика текста – направление лингвистики, в рамках которой формулируются и решаются проблемы текста. Объектом лингвистики текста являются правила построения связного текста и его смысловые категории, выражаемые по этим правилам. Лингвистика текста как наука формирует новые онтологические основания для анализа взаимоотношения языка и речи, позволяет наблюдать данную связь опосредованно, через текст.

Истоками лингвистики текста можно считать античную риторику, поэтику, изучавшие тексты, фигуры речи, герменевтику, семиотику, психологию и др. Однако текст в данных науках рассматривался лишь как объект исследования, в качестве одного из «побочных продуктов» коммуникации, представляющегося в виде статической структуры элементов и типов их связей.

Зарождение лингвистики текста часто связывают со стремлением ученых изучать грамматику языка в рамках единиц более сложных, чем предложение. Так, исследователи приходят к выводу о значительной обусловленности порядка слов в предложении его связями с соседними предложениями. Исследование тесно связанных между собой групп самостоятельных предложений значительно обогащает наши представления о синтаксической роли союзов и союзных слов, функции которых в качестве связующих средств между законченными предложениями сложнее и разнообразнее, чем при связи слов в простом предложении и частей сложного предложения.

Большую роль в развитии теории текста сыграли концепции и теории европейских лингвистов, представителей Пражского лингвистического кружка (К. Гаузенблад, П. Сгалл, Х. Изенберг), французской лингвистической школы (Ш. Балли, Э. Бенвенист, Р. Барт, Ю. Кристева, П. Серио, М. Пешё), немецкой лингвистической школы (Э. Косериу, Х. Вайнрих, П. Хартман, И. Беллерт, Р. Харвег, В. Дресслер), российских лингвистических школ и направлений (В.В. Виноградов, Л.В. Щерба, И.И. Мещанинов, В.М. Жирмунский, М.М. Бахтин, С.Д. Кацнельсон, Ю.М. Лотман, О.И. Москальская, И.Р. Гальперин, М.Н. Кожина, В.В. Одинцов, Г.Я. Солганик, З.Я. Тураева, Т.М. Николаева, Л.А. Новиков, Т.М. Дридзе, Н.Д. Зарубина, В.Я. Шабес, Г.И. Богин, А.А. Залевская).

Лингвистика текста, возникшая первоначально как раздел синтаксиса, затем развивалась как самостоятельная область лингвистики. Она тесно контактирует с другими лингвистическими и нелингвистическими науками, изучающими текст. Превращение текста в интрадисциплинарный объект изучения определяет новое понимание текста и новый подход к тексту.

Предметом изучения лингвистики текста является: 1) текст как некая знаковая форма, созданная в ходе соотнесения с определенной ситуацией, то есть как частная структура акта коммуникации; 2) текст как процесс актуализации смысла в знаковой форме.

В лингвистике текста выделяются теория текста и прикладные направления. Задачей теории текста является нахождение и построение системы категорий текста. Задача прикладных направлений – изучить условия правильной человеческой коммуникации.

Становление лингвистики текста в русской филологии было подготовлено идеями русского мыслителя М.М. Бахтина, одним из первых указавшего на необходимость создания «металингвистики» – науки о тексте, которая выходит за рамки предложения как предельной единицы лингвистического анализа. М.М. Бахтин отмечал, что текст – это единство противоречивых свойств. Противоречивая природа текста выражается в том, что, с одной стороны, за каждым текстом стоит система языка, то есть нечто повторяемое, воспроизводимое, а с другой – индивидуальное, неповторимое.

Важны для исследования текста труды В.В. Виноградова, создавшего оригинальную теорию языка художественной литературы. Определенное влияние оказало также развитие функциональной стилистики, связанной с анализом назначения текстов. Изучение содержательной организации текста в определенной мере связано и с достижениями семантического синтаксиса.

В конце XX века вышла в свет монография *Ильи Романовича Гальперина* «Текст как объект лингвистического исследования» (1981 г.). И.Р. Гальперин выделил параметры и категории текста: информативность, членимость, когезия (от лат. *cohaesus* «связанный, сцепленный» – сцепление друг с другом частей одного и того же тела), континуум (лат. *continuum* «непрерывное, сплошное» – непрерывная совокупность), автосемантия отрезков текста (независимость отрезков текста по отношению к содержанию всего текста или его части), ретроспекция и проспекция, модальность, интеграция и завершенность текста.

И.Р. Гальперин дал следующее определение текста: «Текст – это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку».

Идеи И.Р. Гальперина о видах информации в тексте (содержательно-фактуальной, содержательно-концептуальной, содержательно-подтекстовой), о двух типах членения текста (объемно-прагматическом и контекстно-вариативном), о его категориях и признаках – во многом обусловили содержание и проблематику исследования текста.

Выделяются несколько аспектов изучения текста:

- структурная, содержательная, функциональная устроенность текста;
- парадигматика и синтагматика текста;
- типы текстов;
- текстопорождение, текстообразование и текстопонимание;
- текст как компонент культуры, средство межкультурной коммуникации;
- текст как психо- и социолингвистический феномен.

Возникло множество противопоставленных определений понятия «текст»: это структурно-семантическое или коммуникативное образование, система или деятельность, системно-структурная или информационно-функциональная сущность, коммуникативная или когнитивная модель.

В число доминирующих направлений исследования текста выдвигается *функционализм*, опирающийся в первую очередь на деятельностные, коммуникативные, информационно-функциональные и когнитивные результаты исследования текста. Двумя важнейшими «ветвями» функционализма в сфере теории текста являются коммуникативный и когнитивный подходы. *Коммуникативный подход* ставит акцент на рассмотрении текста как ядра коммуникативного акта, что обеспечивает возможность анализа текста в процессе коммуникации. Для *когнитивного подхода* существенно, что в тексте выражено знание говорящего и реципиента о действительности (картина мира), что и обеспечивает

реконструкцию (когнитивных) механизмов порождения и понимания текста. При сочетании коммуникативного и когнитивного подходов создается возможность увидеть текст как единство когнитивной, предметной и коммуникативной деятельности, текст в его «жизни».

Изменения, происходящие в коммуникативных процессах в конце XX – нач. XXI вв. влекут изменения в самих объектах – текстах и их совокупностях. В сферу внимания современной лингвистики входят не только письменные тексты (прежде всего образцовые художественные), но и все многообразие устных, письменных, печатных, «компьютерных» текстов. Только весь массив текстов, функционирующих в социуме, позволит осмыслить духовную культуру этноса, обнаружить уровень коммуникативной компетенции говорящих на данном языке.

Под влиянием изменений в собственно лингвистической конъюнктуре и за счет воздействия смежных отраслей изучения текста (литературоведческого анализа, герменевтики, психолингвистики, семиотики) происходит становление нового направления, в русле которого не только формируется принципиально новый для исследования текста понятийный аппарат, но и ставятся новые теоретические проблемы.

Основные задачи исследования текста:

1. Изучение текста как системы, основными признаками которой являются целостность и связность. Текст при этом рассматривается как некое сложное речевое единство, отличное от простой последовательности предложений, объединенное коммуникативной целостностью, смысловой завершенностью, логической, грамматической и семантической связями.
2. Построение типологии текстов по коммуникативным параметрам и соотнесенным с ними лингвистическим признакам.
3. Изучение единиц, выделяющихся в тексте: сложного синтаксического целого, абзаца и др.
4. Выявление особых текстовых категорий и формирование адекватных понятий.
5. Исследование своеобразия функционирования языковых единиц в тексте под влиянием текстовой целостности: единицы в тексте способны приобретать новые значения.
6. Изучение межфразовых связей и отношений.

Список рекомендуемой литературы

Основная литература

1. Каменева В.А. Теория коммуникации (прагматический аспект): учебное пособие. – Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2013. – 168 с. <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=232504>
2. Сергеева Е.В. История русского литературного языка: учебное пособие. – М.: Изд-во «Флинта», 2017. – 269 с. <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=364336>

Дополнительная литература

1. Белоусов К.И. Теория и методология полиструктурного синтеза текста: монография. – М.: Изд-во «Флинта», 2018. – 213 с. <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=69099>
2. Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. – М.: Изд-во «Флинта», 2012. – 384 с. <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=57883>.
3. Вещикова И.А. Орфоэпия. Основы теории и прикладные аспекты: монография. – М.: Изд-во «Флинта», 2016. – 311 с. <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=79514>.

Оглавление

Раздел I. УРОВНИ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ И ИХ КОНСТИТУТИВНЫЕ ЕДИНИЦЫ

Основные единицы языка. Фонетико-фонологический уровень.

1. Фразеологический уровень языковой системы как промежуточный уровень языка..... 2
2. Сигнальная функция фонемы..... 8

Раздел II. ОСНОВНЫЕ УРОВНИ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ

Морфемно-морфологический уровень языка.

1. Строевая функция морфемы..... 10
2. Парадигма как совокупность словоформ одного слова..... 14

Лексико-семантический уровень языка.

- Значение слова как сложная, иерархически организованная система компонентов, или «сем».*
- Лексико-семантическое поле – совокупность языковых единиц, объединенных интегральным лексико-семантическим признаком..... 14*

Синтаксический уровень языка.....

1. Парадигматические отношения на уровне словосочетания..... 18
2. Концепция Ф. де Соссюра о дихотомии языка и речи..... 18

Текст как единица языка.

- Изучение текста в русской филологии.*
- Понимание текста и как единицы языка, и как произведения речи.*
- Лингвистика текста как самостоятельная дисциплина..... 20*
- Список рекомендуемой литературы..... 24*